

Места, которых нет

СУХАРЕВА БАШНЯ

Старая Москва



Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Сухарева башня

<https://litres.ru/74605559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была выше кремлёвских стен — и её стёрли с лица Москвы за одну ночь. Но город так и не смог её забыть.

Триста лет над Сретенскими воротами стояла Сухарева башня. В её палатах Пётр I открыл первую в России Навигацкую школу, где учились первые русские моряки. В её обсерватории ночами горел свет — и москвичи шептались, что там колдует сам Яков Брюс, чернокнижник, любимец царя и любимый герой городских страшилок.

В её стенах искали книгу царя Соломона и эликсир бессмертия. На её крыше ловил привидение сам знаменитый сыщик Путилин. Её приказал снести Сталин, назвав защитников «слепыми и бесперспективными». Её разобрали по кирпичику, а фундамент замуровали под асфальтом.

Но башня не ушла. Она осталась в названиях улиц, в гранитном камне на площади, в кривом изгибе подземного перехода. И в этой книге.

Первая новелла цикла «Старая Москва» — о городе, который помнит то, чего больше нет.

Содержание

Глава 1. Сретенские ворота	4
Глава2. Каменный шатёр	9
Глава3. Навигацкая школа	13
Глава4. Чернокнижник	18
Глава5. Слепые и бесперспективные	24
Глава6. Память и подземелье	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сухарева башня

Глава 1. Сретенские ворота



Странное дело — от великой башни не осталось ни камня, а имя её знает каждый москвич. Сухаревская площадь. Сухаревский рынок. Сухарев переулок. Слова живут своей жизнью, давно позабыв, чьё имя носят.

А ведь был человек. Самый обыкновенный, если вдуматься, полковник. И фамилия у него была самая простецкая — Сухарев.

Начнём издалека. В конце шестнадцатого века Москва была ещё деревянной, тесной и боязливой. Со всех сторон

её обступали враги, и чтобы как-то оборониться, город опоясали новой линией укреплений. По нынешнему Садовому кольцу, где теперь машины гудят да спешат прохожие, тогда тянулся земляной вал со рвом, а по валу — стена. Деревянная. Оттого и прозвали её просто — Деревянный город. Хотя по-научному, для солидности, называли Скородомом: мол, быстро отстроили, в один год управились.

В стене — ворота. Ворот было много, и каждые смотрели на свою дорогу. Одни глядели туда, где встаёт солнце, на древний тракт, что вёл через Суздаль, Ярославль и Владимир. По воротам и дороге — имя: Сретенские. От слова «сретение», то есть встреча. Здесь Москва встречала идущих к ней — то с иконой, то с хлебом-солью, то с мечом.

Над воротами поднялась башня. Неказистая по нынешним меркам — три боевых площадки, накрытые шатрами, да смотровое око. С неё дозорные первыми видели, что творится на востоке. И первыми били тревогу.

Деревянная башня много чего повидала.

В июле 1605 года у этих ворот остановился поезд Лже-Дмитрия. Самозванец, назвавшийся спасённым царевичем Дмитрием, въезжал в Москву торжественно, со свитой, под звон колоколов. А навстречу ему вывели инокиню Марфу — последнюю жену Ивана Грозного, постриженную в монахини. Народ должен был увидеть, как мать признаёт сына. Марфа, глядя на самозванца, сказала то, что от неё ждали. Через год её сына убили, и она отреклась от признания. Но

то было уже после.

В мае 1613 года у Сретенских ворот встречали другого государя. Земский собор избрал на царство Михаила Романова — юного, робкого, шестнадцатилетнего. Из Ипатьевского монастыря под Костромой он ехал в разорённую Смутой Москву, и путь его лежал как раз через эти ворота. Толпа стояла на коленях. Плакали. Не от радости даже — от того, что кончилась смута, что есть теперь над кем склонить голову.

С тех пор отсюда русские цари выезжали на богомолье — в Троице-Сергиев монастырь, к преподобному Сергию. Дорога была долгая, и выезд обставлялся пышно: кони, кареты, охрана, обозы. Сретенские ворота первыми пропускали государя за город, первыми встречали его на возвращении.

Жизнь вокруг ворот кипела. С середины семнадцатого века Москва стала устраиваться по-новому — ремесленники и служилые люди селились слободами, каждая при своём деле. Стрельцы, царские ратники, тоже получили свои слободы — поближе к тому месту, где несли службу. Полк и слободу обычно называли по имени командира, чтоб не путаться.

Так и появились на карте Москвы имена, которые мы теперь читаем как что-то само собой разумеющееся. Зубовская площадь. Вишняковский переулок. Левшинский. Каковинский. Колобовские переулки. Всё это — фамилии стрелецких полковников, обычных служивых людей, чьи имена застыли в городских названиях на века.

Дошла очередь и до Сухарева.

Лаврентий Сухарев был стрелецким полковником. Службу нёс у Сретенских ворот, командовал полком, жил в своей слободе. Ничем особо не прославился. В 1682 году, когда стрельцы взбунтовались и пошли на Кремль, сухаревцы почти не участвовали в бунте. Только несколько человек самовольно ушли и прихватили из казённой палаты бочку с порохом да фитиль — на всякий случай. Мелочь по тем временам.

А в 1689 году, когда молодой Пётр ссорился с царевной Софьей и дело дошло до открытого противостояния, полк Сухарева встал на сторону Петра. Только поздно спохватился — прибыл в Троице-Сергиев монастырь не в числе первых. Награду за верность получил скромную. Обидно, но что поделаешь — не успел, значит, не успел.

Через девять лет Пётр вернулся из-за границы и расправился со стрельцами окончательно. После восстания 1698 года стрелецкое войско расформировали. Часть бунтовщиков казнили, других разослали по дальним городам. Сухаревский полк тоже перестал существовать. Семьи стрельцов выселили из слободы.

Но слобода своё имя не потеряла. Странная штука памяти: люди уходят, а слово остаётся. Сначала Сухаревой называли местность. Потом — площадь. А потом уже и башню, которую построят на этом месте.

Вот так и вышло, что имя скромного полковника, о кото-

ром нам известно всего лишь несколько строчек, оказалось
вписано в самое сердце Москвы. И останется там, пока стоят
площади и переулки.

Даже когда башни уже не будет.

Глава2. Каменный шатёр



Деревянная башня стояла почти сто лет. И всё это время Москва незаметно менялась, а вместе с ней менялись и вкусы. Простые шатровые крыши казались уже не такими внушительными. Хотелось чего-то основательного. Каменного. На века.

К концу семнадцатого века на московских укреплениях стали менять деревянные надвратные башни на каменные. Дошла очередь и до Сретенских ворот. К работам приступили в начале 1690-х годов.

Строили три года. Строили крепко, из кирпича, на мощ-

ном каменном фундаменте. Возвели два этажа с просторными палатами, а над ними подняли трёхъярусную башню-каланчу — такую высокую, что увенчали её двуглавым орлом. Стены украшали резным белым камнем: наличники, карнизы, пояски — всё аккуратно, с любовью. Каждую деталь вытесали, приладили, притёрли.

Через три года добавили ещё один этаж, снаружи — широкую лестницу, а на башне — ещё один ярус. И выросла она до шестидесяти метров. По тем временам — почти небоскрёб. Стояла на возвышении, и потому видно её было отовсюду. Из Замоскворечья — видно. С Покровки — видно. От Кремля — рукой подать, а кажется, что вот она, рядом, ближе всех остальных.

С тех пор Сухарева башня начала появляться на гравюрах и картинах с видами Москвы. Иноземные путешественники, приезжая в город, первым делом зарисовывали Кремль, храм Василия Блаженного — и её.

На новой башне укрепили две каменные доски с надписями. Текст длинный, торжественный, в духе времени. На первой доске выбили, что построена башня повелением благочестивейших, тишайших, самодержавнейших государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержцев. А построена — по стрелецкому приказу, при сиденьи в том приказе Ивана Борисовича Троекурова.

На второй доске уточнили, где именно и как: что возвели

Сретенские ворота по Земляному городу, а над теми воротами палаты и шатёр с часами, да каменный амбар. А позади ворот, к Новой Мещанской слободе, — часовня с кельями, что приписана к Николаевскому монастырю на Перерве. И что начато то строение в лето 7200-е, то есть в 1692 году, а совершено в 7203-м, то есть в 1695-м. И что в то время у того полка был стольник и полковник Лаврентий Панкратьев сын Сухарев.

Всё как полагалось. С именем государя. С именем заказчика. С именем того самого скромного полковника, чьё имя уже приросло к месту.

А вот имени архитектора на досках не было.

Это до сих пор остаётся загадкой. Кто построил Сухареву башню — доподлинно неизвестно. Исследователи спорят, версии выдвигают. Одни говорят, что проект составил Франц Лефорт — ближайший сподвижник Петра, весельчак, любимец, генерал-адмирал. Другие кивают на самого царя: мол, Пётр самолично чертил, он же в молодости любил и инженерные дела, и голландский стиль. Третьи вспоминают имя Михаила Чоглокова — самобытного русского зодчего, который как раз в те годы строил по указам Петра казённые здания в Москве.

Скорее всего, работали вместе. Пётр задумывал, Лефорт помогал, Чоглоков выводил стены. Во всяком случае, в достройке и оборудовании башни Чоглоков точно участвовал — это известно.

Имя зодчего растворилось, а башня осталась. Бывает и так.

Строили её уже не только как укрепление. Война уходила на запад, к Балтике, к Полтаве, к новым рубежам. Москва переставала бояться нападений из степей и от литовской границы. И башня, задуманная когда-то как сторожевой пост, уже понимала, что ей уготовано другое будущее.

Но об этом мы узнаем в следующей главе.

А пока она стояла. Высокая, нарядная, видная издалека. С каменными палатами и боевыми часами. С амбаром и часовней сзади. С двуглавым орлом на самом верху.

Никто тогда ещё не знал, что через каких-то шесть лет по башне разнесётся звонкий голос петровской реформы — и в её палатах усядутся за парты первые русские навигаторы.

Глава 3. Навигацкая школа



Башня построена, стоит. А что с ней делать — непонятно. Время было такое, что всё старое, казавшееся вечным, вдруг оказывалось ненужным. Пётр вернулся из-за границы с твёрдым намерением переделать Россию — и делал это быстро, жёстко, не оглядываясь на привычки. Стрельцов разогнал. Бороды велел стричь. Боярам — учиться. А стране — строить флот.

А для флота нужны были люди. Не просто офицеры из знатных родов, а настоящие штурманы, навигаторы, артиллеристы, инженеры — те, кто умеет по звёздам проклады-

вать курс, считать, чертить, разбираться в механизмах. Таких в России тогда почти не было.

И вот в 1701 году последовал царский указ: «Сретенскую по Земляному городу башню, на которой боевые часы, взять со всяким палатным строением и с принадлежащей к ней землёю под школы математических и навигацких наук». Вести школой поручили боярину Фёдору Алексеевичу Головину — человеку умному, образованному, одному из немногих, кому Пётр доверял вполне.

Началась перестройка. Классы для занятий. Жилые комнаты для учеников. Большой зал для упражнений с рапирой — его так и называли, Рапирный. Обсерватория. Физико-химическая лаборатория. Всё это разместилось внутри старой башни — и башня сразу ожила, зашумела, наполнилась молодыми голосами.

Навигацкая школа стала одним из любимых детищ Петра. И не только потому, что здесь готовили будущую элиту армии и флота. Здесь возник первый в России научный центр — и возник он усилиями одного человека, которого мы уже упоминали, но о котором теперь пора сказать подробнее.

Яков Брюс.

Шотландец по происхождению, русский по судьбе. Потомок древнего королевского рода, чей предок ещё в семнадцатом веке перебрался в Москву. Сам Яков Вилимович родился в России, вырос при дворе, знал несколько языков, разбирался в математике, астрономии, артиллерии, инженер-

ном деле. Был он человеком замкнутым, нелюдимым, но при этом — одним из самых образованных людей своего времени. Пётр его ценил необыкновенно: Брюс был и сподвижником, и советчиком, и другом. Ему царь доверял то, что не доверил бы никому.

В создании Навигацкой школы, в её обустройстве, в подборе преподавателей и составлении программ Брюс принимал самое живое участие. В башне он оборудовал себе рабочий кабинет. Но работал там редко — чаще сидел в обсерватории или в лаборатории. Наблюдал за звёздами. Ставил опыты. Чертил карты, переводил иностранные книги, писал свои учебники.

Рядом с ним в башне собирались единомышленники Петра — те, кто помогал ему перестраивать страну. Здесь проходили астрономические наблюдения. Здесь решались практические вопросы — как строить корабли, как вести артиллерийский огонь, как прокладывать дороги.

Пётр, бывая в Москве, частенько наведывался в башню. Иногда смотрел, как идут занятия, как ученики сдают экзамены. Но чаще поднимался в обсерваторию или спускался в лабораторию. А иногда — в Рапирный зал, где проходили собрания «Нептунова общества».

Об этом обществе известно немного. Документы почти не сохранились. Но то, что известно, звучит интригующе. «Нептуново общество» было по сути тайным советом царя. Председателем числился Франц Лефорт, первым надзирателем —

распорядителем — сам Пётр, а членами — ближайшие его соратники, включая Брюса. Что там обсуждалось, какие решения принимались — мы не знаем. Заседания шли в закрытом режиме, порой до глубокой ночи.

Народная молва, конечно, не могла обойти вниманием эти полуночные посиделки. Царь, Лефорт, Брюс, вся знать, заперлись в башне, свет далеко за полночь горит, а что там происходит — никому не ведомо. Какие ещё научные наблюдения могут быть ночью? Ясно же — колдуют. А может, и с нечистым знаются.

Репутация у Петра в народе была ещё та: и бороды стрижёт, и немцев приближает, и церковные порядки ломает. Немудрено, что и его записали в чародеи. Пошли по Москве слухи один другого страшнее. И башню в темноте стали обходить стороной. Мало ли что.

А между тем в башне шла самая обыкновенная — и самая невероятная для России — работа. Ученики сидели за столами, решали задачи по геометрии и тригонометрии, изучали астрономию, учились пользоваться астролябией и секстантом. Преподаватели — люди талантливые, практики, многие из-за границы — учили их всему, что знали сами. Здесь выковывались будущие командиры русского флота.

Путь из этой башни лежал далеко — к Балтике, к Азову, к берегам далёких морей. Многие из выпускников Навигацкой школы станут известными моряками, инженерами, геодезистами. Но это будет потом.

А пока башня жила своей двойной жизнью. Днём — школа, классы, чертежи, расчёты. Ночью — обсерватория, звёзды, таинственные заседания. И по Москве расползались слухи: в башне над Сретенскими воротами поселился черно-книжник.

Звали его Яков Брюс.

И о том, что именно там происходило, рассказали потом такие истории, что дух захватывает.

Но об этом — в следующей главе.

Глава4. Чернокнижник



Слух по Москве пошёл быстро. И чем дальше, тем страшнее.

Началось всё с малого. Люди видели, как в башне ночами горит свет. Видели, как Брюс поднимается в обсерваторию и что-то там высматривает в подзорную трубу. Ну а что там высматривать по ночам, если не нечистую силу? Днём-то оно видней.

Потом случилось то, что укрепило молву окончательно. Брюс предупредил о предстоящем солнечном затмении — заранее, загодя, как и полагалось учёному. А вскоре под его

руководством издали календарь с предсказаниями на много лет вперёд. Календарь тут же разошёлся по Москве, его читали и пересчитывали, спорили о нём, гадали.

Для человека понимающего тут всё просто: затмения вычисляются заранее, а календарь — это астрономия да математика. Но для человека простого — вывод очевиден. Кто знает о том, что солнце померкнет, тот его и затмевает. А кто может наперёд сказать, что случится в мире, тот либо душу дьяволу продал, либо с ним запанибрата.

Так Яков Брюс стал в глазах Москвы чернокнижником. И пошло-поехало.

Слухи множились, обрастали подробностями. Теперь рассказывали, что Брюс умеет делать искусственных людей. Будто была у него служанка — не простая девушка, а созданная его руками. Жила при башне, прислуживала. И был у Брюса приятель, который в ту служанку влюбился. Так чернокнижник взял её — и растворил в воздухе. Только его и видели.

Рассказывали и другое. Будто изготовил Брюс эликсир бессмертия, чтобы вечно оставаться молодым. И будто тщательно скрывает его — от всех, даже от самого царя. Поговаривали и вовсе чудное: будто построил Брюс железную птицу и летает на ней в гости к Петру в Петербург. А то и сам умеет обернуться птицей или зверем — по желанию. Может грозы насылат, бури, наводнения. Может вызвать, а может и прекратить.

И ведь не просто так болтали, не на пустом месте. Были свидетели. Масса людей «своими глазами видела». Все они клялись и божились, что говорят чистую правду. Как всегда и бывает, когда молва берётся за дело.

Шли годы. Брюс старел, уезжал, в башне бывал всё реже. А легенды о нём не умирали. Наоборот — с каждым десятилетием становились всё ярче, всё затейливей.

И вот настал момент, когда это всё вдруг обернулось явью. Только совсем не той, какой её представляли.

В конце 1880-х годов на крыше Сухаревой башни несколько ночей подряд появлялось привидение. Настоящее. В старинном камзоле и треуголке. Фигура в лунном свете казалась большой, таинственной, жуткой.

По Москве тут же пошли новые слухи. Одни говорили — сам Брюс вернулся. Другие — к нему гость пожаловал, не иначе как сам Пётр, потому что уж больно фигура велика.

Переполох начался нешуточный. Дошло до Петербурга. И из столицы вызвали начальника сыскной полиции — знаменитого Ивана Путилина, того самого, о котором потом целые книги напишут.

Путилин приехал, осмотрелся, взялся за дело. И вскоре разгадал тайну — просто, как всё гениальное.

Никакого призрака не было. Был отставной офицер. Человек тихий, незаметный, но тронувшийся умом после того, как от него сбежала жена. Офицер искал в башне клад Брюса. Тот самый клад, в котором, по легенде, хранился приво-

ротный эликсир. Жена ушла — а он хотел её воротить. Так, чтобы навсегда.

А чтобы клад дался в руки, надо было выполнить условие. Клад заговорённый, и получить его мог только тот, кто явится к нему в облике самого Петра Великого.

Вот офицер и переодевался в мундир петровских времён. Мундир брал напрокат в костюмерной мастерской. Ночью поднимался на крышу башни. Ждал. Искал. Клад не давался.

Путилин изловил офицера. Тайну раскрыл. История кончилась тихо, без шума. Но легенда осталась.

Потому что легенды не умирают от того, что их объяснили.

Клады в Сухаревой башне начали искать сразу после смерти Брюса. Хотя последние десять лет жизни он в башне и не появлялся. Но разве мог чернокнижник ничего там не припрятать? Не мог. Значит, клад есть. Значит, надо копать.

Копали. Стучали по стенам. Искали тайные подвалы. Ломали полы. Клад не давался.

Особые разговоры ходили о книгах Брюса. Он собирал библиотеку всю жизнь, и была она огромной — сотни томов на разных языках. Часть их хранилась в его рабочем кабинете в башне.

Но главное — не часть. А то, что якобы было спрятано отдельно.

По преданию, у Брюса хранились древние манускрипты. Среди них — «волшебная книга», когда-то принадлежавшая

самому царю Соломону. Та самая, что позволяла её владельцу предсказывать всё, что произойдёт в мире. И судьбы отдельных людей — тоже.

Книга Соломона была заговорённой. Кроме Брюса, никто не мог её взять в руки. У других она просто исчезала. Хранилась она в тайной комнате башни, а вход в ту комнату знал только Брюс.

Говорят, сам Пётр хотел взглянуть на эту книгу. Пришёл, попросил. Брюс, разумеется, не отказал, принёс её царю. Но книга не далась Петру в руки — даже в присутствии самого хозяина.

После смерти Брюса книгу искали многие. Екатерина II даже велела разобрать стены в некоторых комнатах башни. Книгу не нашли.

Шли годы. Легенда жила. И вот уже в тридцатых годах двадцатого века, когда над башней нависла угроза сноса, снова вспомнили о книге. Говорили, что Сталин приказал разобрать башню по кирпичику — и не в последнюю очередь чтобы найти сокровище чернокнижника. За разборкой будто бы лично следил Лазарь Каганович, а всех выезжающих с объекта машин и выходящих людей обыскивали сотрудники НКВД.

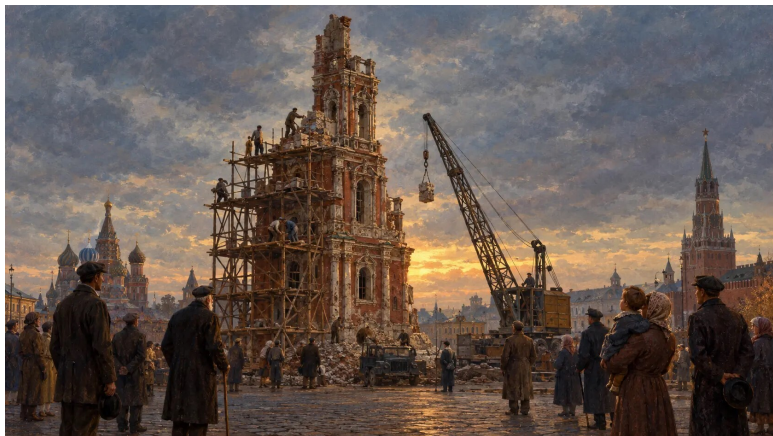
Книга и тогда не далась. Никому.

Кто-то верит в эти истории, кто-то посмеивается. Но заметьте одну вещь: с того дня, как Сухарева башня исчезла с лица Москвы, всякий раз, когда на её месте что-то копа-

ют или строят, разговоры о кладе Брюса вспыхивают с новой силой. И будут вспыхивать, пока стоит Москва.

Потому что место, где искали чудо, само становится чудом.

Глава 5. Слепые и бесперспективные



Шли годы. Брюс умер в 1735 году — тихо, в своём подмосковном имении Глинки, на семьдесят шестом году жизни. В башне он к тому времени не появлялся уже лет десять. А слава чернокнижника шла за ним по пятам — и после смерти не отпустила.

Навигацкая школа тем временем перебралась в Петербург. Новая столица требовала новых кадров, и учить моряков логичнее было там, у моря. Москва осталась без своего научного гнезда. А башня — без хозяев.

И только тогда, когда школа уехала, за ней окончательно закрепилось имя, которое мы теперь знаем. Сухарева. По слободе. По полковнику. По месту, где когда-то стояли стрельцы.

Началась другая жизнь.

Долгая, тихая, спокойная жизнь городской достопримечательности. Сухарева башня стала одним из символов Москвы. Её рисовали на гравюрах, изображали на картинах, о ней писали путеводители. Иностранцы, приезжая в первопрестольную, считали своим долгом подняться на неё и взглянуть на город сверху. Внутри размещались склады, казармы, канцелярии — всё, что угодно, лишь бы не пустовало. И башня несла свою службу терпеливо, не жалуясь.

А потом пришёл двадцатый век.

В тридцатые годы Москва перестраивалась. Город должен был стать образцовым, столичным, парадным. Садовое кольцо расширяли, улицы выпрямляли, старые здания сносили. Сухарева башня оказалась помехой — она стояла как раз там, где должно было пройти широкое движение. Мешала.

Архитекторы забеспокоились. Начали предлагать проекты. И ведь предлагали дельные, обдуманые варианты — как расширить кольцо и не тронуть башню. Разрабатывали схемы, чертили планы, доказывали, объясняли. Говорили о том, что башня — памятник, что таких больше нет, что её нельзя трогать.

Их не слышали.

В сентябре 1933 года Сталин написал Кагановичу. Сухо, коротко, без лишних слов: «Мы изучили вопрос о Сухаревой башне и пришли к выводу, что её надо обязательно снести. Предлагаем снести Сухареву башню и расширить движение. Архитекторы, возражающие против сноса, — слепы и бесперспективны».

Всё. Спорить было не с кем.

Слепые и бесперспективные — так называл вождь тех, кто пытался её спасти.

Летом 1934 года начали разбирать. Башню разбирали медленно, кирпич за кирпичом, как будто она сопротивлялась. Снимали часы, снимали белокаменные украшения, снимали двуглавого орла. Что-то удалось сохранить — детали декора, оборудование, части интерьера. Что-то разобрали на кирпич, который потом пошёл на другие стройки.

Под башней были глубокие двухэтажные подвалы. Настоящие подземелья. Туда бы археологам спуститься, всё осмотреть, описать, сохранить. Но на это не было времени. Фундамент и то, что оставалось от подвалов, засыпали щебнем. Сверху закатали асфальтом.

Москвичи смотрели и молчали. Сказать было нечего. Только смотреть.

Василий Алексеевич Гиляровский, знаменитый репортёр и знаток Москвы, которому было тогда уже под восемьдесят, написал в те дни дочери строки, от которых и сейчас щемит в груди:

*Жуткое что-то! Багровая, красная, Солнца закатным
лучом освещённая, В груди развалин живых превращённая. В-
сё ещё вижу её я вчерашнюю — Гордой красавицей, розовой
башнею...*

Сначала исчезли верхние ярусы. Потом палаты. Потом во-
рота. Потом остался только фундамент — и его скрыли.

Башня умирала у москвичей на глазах. И они ничего не
могли сделать.

На месте Сухаревой башни теперь — площадь. Широкая,
просторная, удобная для движения. Машины едут в шесть
рядов. Никто не задумывается, что когда-то здесь стояла
башня. А кто и помнит — тот молчит.

Но Москва не забыла.

И не забудет.

Глава 6. Память и подземелье



После смерти Сталина о башне вспомнили снова.

В середине пятидесятых и потом, в шестидесятые, не раз поднимался вопрос о восстановлении. Были люди, которые помнили её живой. Были проекты — вполне серьёзные, обоснованные, с расчётами и чертежами. Инженеры, архитекторы, историки садились за стол, рисовали, спорили, предлагали. Всё было возможно. Всё было просчитано.

Проекты оставались на бумаге.

Может быть, потому, что время было такое — не до башен. Может быть, потому, что восстанавливать решили не

то, что действительно нужно, а то, что покажется выгодным. А может быть, просто не нашлось человека, который сказал бы вслух: давайте. Так бывает — всё есть, а человека нет.

Сделали единственное. В сквере, в сотне метров от того места, где стояла башня, установили гранитный камень. Простой, серый, с надписью. Памятный знак. Тихое напоминание о том, что здесь когда-то было чудо.

Камень стоит и сегодня. Мимо него идут люди, спешат по делам, не всегда замечая. А кто остановится, прочитает — и задумается.

Шли годы. Москва менялась. Сухаревская площадь оставалась площадью, широкой и шумной, с вечной пробкой у светофора. Под ней — глубоко под асфальтом — спали подвалы башни. Никто не знал точно, что там сохранилось, что истлело, что осталось нетронутым.

А потом — в начале нового тысячелетия — пришло время строить под площадью подземный пешеходный переход. Копнули. И наткнулись на фундамент.

Он оказался в хорошем состоянии. Крепкий, надёжный, сложенный на совесть три века назад. Арки фундамента открылись во всей своей мощи — те самые арки, что держали когда-то всю башню, все её ярусы, все её тайны.

Сначала объявили: арки впишут в интерьер перехода. Сохранят как историческую ценность. Пусть люди ходят мимо древних камней и помнят, где они.

Потом решили иначе. Арки снова замуровали. Просто за-

ложили кирпичом, тихо, без объяснений. А чтобы обойти их, в переходе сделали изгиб — кривой, неудобный, ничем не оправданный. Кто идёт по нему, вряд ли догадывается, что обходит старинный фундамент.

Так и стоит теперь Сухарева башня — там, где её нет. За мурованная в подземелье, спрятанная под асфальтом, скрытая кривым поворотом перехода. Слава Богу, хоть не уничтожили.

Возможно, ещё многие годы её подвалам — тёмным, глубоким, засыпанным щебнем — предстоит хранить свои тайны. Клад Брюса, книга Соломона, эликсир бессмертия, приворотное зелье, заговорённые камни — всё это исчезло вместе с башней. Или не исчезло. Может, лежит где-то там, внизу, ждёт.

И кто знает — может, когда-нибудь Москва снова услышит тихий голос своей памяти. И построит новую Сухареву башню на том месте, где стояла старая. Не потому, что нужно, а потому, что нельзя забывать. Потому что город без памяти — просто скопление домов и улиц, а не живое существо.

Гиляровский умер через год после сноса башни. Он не дождался войны, не увидел, как Москва снова станет неприступной, как опять поднимется на защиту. Но строчки его остались. И останутся, пока стоит Москва.

Башни нет. Но имя осталось.

Сухаревская площадь. Сухаревский рынок. Сухарев пе-

реулок. И самый центр Москвы — там, где когда-то стояли Сретенские ворота, где шумела стрелецкая слобода, где горели свечи в обсерватории Брюса и где впервые в России мальчишки учились прокладывать курс по звёздам.

Всё это было. Всё это — Москва.

А Москва живёт, пока её помнят.

Конец.

Послесловие от автора

Вот и всё. Башня прошла свой путь — от деревянного сторожа на Сретенских воротах до великой тени, что до сих пор мерещится Москве в сумерках.

Клад Брюса так и не нашли. Книга Соломона никому не далась. Эликсир бессмертия — и тот остался легендой. А башня — ушла. Но ушла не бесследно: осталась в назва

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.